

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

АЖУРНАЯ ТЯЖЕСТЬ “АБСОЛЮТНОГО ТЕКСТА”

Мороз О. Н. Историко-философские аспекты прозы Юрия Козлова: философские и эстетические особенности: монография / О. Н. Мороз; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 211 с.

Юрий Козлов и Олег Мороз – идеальная встреча писателя и литературоведа. Что сближает и даже роднит их? Герметичность повествования, отказ от чувственных катарсисов, ставка на интеллектуальную двойственность события. Духовно-политический концептуализм, пребывание на дальних рубежах смысла – в облегчённой форме это можно назвать подтекстами третьего или четвертого уровней. Уважение к мысли как главному ресурсу повествования. Судьба России здесь – лейтмотив, но без чёткого соотнесения с тем или иным сформированным флангом, отказ от официальных эпосов и систематизаций, от “неопатриотизма” или “либерализма”. Выбор поэтики неочевидных сюжетов. Роман должен быть сложным! А научное слово о нём – ещё сложнее!

Восторг структурирования сюжетов современной власти, её амбивалентной харизмы и апокалипсисов – это Козлов. Восторг усложнения созданной структуры, её контекстуального разъяснения и власть над художественным текстом – это восторг Мороза. Оба далеки от мысли понравиться читателю, бежать в солнечном пространстве за числом потенциальных собеседников, добежать до массовой культуры. Ставку на одиночество мастера словесности, на обречённость не быть услышанным и понятым нахожу и у Козлова, и у Мороза. Как бы не совсем роман – это Юрий Вильямович. Не только литературоведение – это Олег Николаевич.

“Писательство – это существование на границе миров, на границе, где реальный и виртуальный миры действуют разом и сообща, и порознь; пограничное существование, заостряющее – до боли – парадоксальное ощущение расколотой полноты человеческого бытия. Но ещё и способ существования, выступающий проекцией сознания писателя и его отношений с действительностью и самим собой”, – лишь одна цитата из рецензируемой монографии. Почувствуйте стиль!

Постмодернист ли Юрий Козлов? Христианин ли он? Борец с гностицизмом или сам гностик? Историк или специалист-технолог политических сюжетов? Олег Мороз идёт к однозначным ответам: не постмодернист, христианин, разоблачитель гностических атак, философ истории, конечно, в литературной форме. Вот только добирается до этих ответов такими сложными, извилистыми путями, так честно и много выдаёт информации о противоречиях, что вопросы никуда не исчезают даже тогда, когда вроде бы итоги подведены. И как-то

сразу слышишь речь Владимира Бондаренко о Козлове – русском постмодернисте (“Литературная газета”, 2012, № 36). Видишь, что его христианство слишком теоретично и не очень нуждается в присутствии Иисуса. А взаимодействие с гностиками так масштабно, что уже и не знаешь: воюет с ними автор или переключается. Историософия? Она у Соловьёва и Бердяева, Проханова, Быкова и даже у Пелевина с Сорокиным, у Шарова с Крусановым. В принципе, согласен с Морозом, когда он делает историософию (“историософские аспекты”) ключевым словом своей книги. Однако в процессе чтения выплывают уже из моего воспринимающего сознания иные определения: апокалиптика, мифопоэтика сюжетов власти, художественная конспирология. Или отчёт ревизора-интеллектуала, нагрянувшего с проверкой к высшему российскому чиновничеству, способного выстраивать связи между Сталиным и смертью, Гитлером и будущими правителями.

В этой двойственности (борешься с тем, что крепко сидит в тебе самом) – один из главных законов прозы Козлова. Мороз готов работать со всей парадигмой его текстов. Но на первом плане оказываются четыре. Роман “Колодец пророков”, повесть “Белая Буква”. В меньшей степени роман “Враждебный портной”, тут глава длится всего 15 страниц. И роман “Новый вор”, повествование о котором занимает 78 страниц и, как мне кажется, является сильнейшим участком книги.

Основа постмодернизма даже не в том, что мир – это текст (об этом напоминает Олег Николаевич), а в ином: прекрасно понимая неотменимую *реальность реальности*, текст начинает претендовать на “*надцатый*” её уровень. Текст стремится вроде как факультативное (*нечто* с дальних берегов) рассматривать как главное событие – не фабулы жизни, а пространства самой речи. Именно поэтому уже во “Введении” Юрий Козлов (пусть у него и не мир-текст, как считает Мороз) оказывается одновременно возле Данте и Павича. А “Божественная Комедия” и “Хазарский словарь” предстают примерами “абсолютного текста”, имплицитного для литературы *священного писания*, притязающего на решение ключевых вопросов. С одной стороны, герои козловских романов, повестей и рассказов одержимы обретением “абсолютного текста”. С другой – сами произведения Козлова (прежде всего, в интерпретации Мороза) приближаются к всеразъясняющему “абсолютному тексту”. Постмодернизмом это называть совсем необязательно, да вот контакты с ним – налицо.

Действительно, о циничных гностиках автором “Колодца пророков” и “Нового вора” сказано прилично, с сарказмом противника, а не соратника. Вместе с тем гностицизм не только в отождествлении дьявола с материей, в пылающей мечте о последней катастрофе телесного мироздания. Гностицизм в разных сферах творческой и научной гуманитаристики – это отказ от простоты, от старой доброй эпической фабульности и простосюжетности ради дерзкой виртуализации сюжета, сложнейших риторических формул и неочевидных, субъективных интерпретаций. Ради построения мощных и при этом не слишком обязательных контекстов, размывающих понятное тело повествования. К чему это я? А к тому, что в моём восприятии Юрий Козлов всё-таки гностический писатель, не имеющей ни малейшего отношения к художественному воспроизведению природы, повседневной жизни, пьянящей *нормальности* человеческого естества. И к тому, что Олег Мороз – литературовед неогностического пафоса, с верой в конструктивную силу парадоксальной интерпретации и необходимость катарсиса, который удаляется от древних, классических, донисийских чувств к высокой *платоновской* рациональности, к идейности и полноте мировоззренческой речи.

С этим тесно связан иной вопрос: почему Козлова читают относительно мало и не издают в монстрах-монополистах, в АСТ и Эксмо? Мороз, думаю, учитывает присутствие этого вопроса. “Ассоциативно-метафорическая ажурность тяжелой сюжетно-композиционной структуры романа”, – сказано им о поэтике “Нового вора”. Здесь сразу двойная тяжесть, и она действительно есть: “метафорическая ажурность” и тяжёлая структура. Кстати, книга Мороза вышеприведённой аттестации полностью соответствует.

Теперь о главном – и о методе Юрия Козлова, и об устройстве российской власти. В первой главе, посвящённой роману “Колодец пророков”, Олег Мороз справедливо подчёркивает, что генерал Толстой содействует приближению царства Антихриста и одновременно не допускает его воцарения. Что это за движение? Третья глава – о повести “Белая Буква”. Здесь много инте-

ресного (иногда уже и не поймёшь — Козловым или увеличивающим глубину Морозом) сказано о феномене российской власти как “радости через силу”. В мыслях писателя Объёмова Ленин, Сталин, как-то особо настойчиво Гитлер и тоталитарные вожди апокалиптического толка и лики многозначной Смерти, которая заставляет человека (прежде всего, Чиновника) постоянно ощущать временность своих безобразий и ощущать вполне религиозную ответственность за содеянное.

В четвёртой главе (она о “Новом воре”) Олег Мороз подробно, не экономя слов, представляет важнейшую из картин прозы Козлова — аналитический портрет чиновничества. Здесь нет никакого оптимизма по поводу усиления российского присутствия в решении проблем XXI столетия. Господин Чиновник находится в поистине уникальной ситуации: он категорически не любит Россию вместе со всеми её архетипами и значительно лучше относится к Западу с его комфортом и расслабляющим либерализмом; но тот же чиновник вынужден не только защищать Россию, но как бы сливаться, отождествляться с ней, потому что здесь хранится вся его собственность, всё заработанное и награбленное. Более того, сама Россия вместе со всеми своими архетипами стала собственностью “нового вора” (символическая фигура управленцев последних десятилетий). В этом ключевой парадокс “неопатриотизма”, который ощущает интеллигенция.

Козлов силою прозы и Мороз качеством филологии рационализируют это ощущение, резко нагнетают тревогу. Россия — на страшном пути, потому что государственная элита не имеет искренних чувств к её судьбе, но причастна стране лишь корыстным умом. Тем самым умом, в котором есть и тяжкий житейский прагматизм, и особый мистицизм, вызванный необходимостью уничтожать то, что принимаешь (Запад), и отстаивать то, что не любишь (Родину).

При таких условиях “религиозная сущность нового чиновничества” отнюдь не Православие. Да, конечно, с риторикой русского христианства, с должным ритуализмом, с цитированием Писания всё обстоит понятно как — внешне и громогласно. Беда в том, что сердце власти свободно от новозаветных интуиций, за цитированием — поистине постмодернистская текстовость, а не готовность жертвовать и любить. Олег Мороз много пишет о том, как Юрий Козлов выявляет дыры в том пространстве, где должна жить и действовать любовь.

Так каково же мировоззрение отечественного чиновничества, ответственного за постоянное приближение Антихриста к нашим берегам? Олег Мороз называет это мировоззрение катаризмом и рассуждает о данной проблеме многостранично. Автор монографии удивил меня детализированным погружением не просто в проблемы гностического мировоззрения, а непосредственно в роль средневековых катаров в построении духовно-политических систем иных эпох.

Такой приём могу назвать усилением и централизацией возможного контекста. Противотелесность и противоцерковность, пламенный антигуманизм и подсознательная склонность к небытию исторических катар использованы Морозом для создания магистрального сюжета четвёртой главы (о “Новом воре”) о сильнодействующем архетипе, всегда (и особенно сейчас) угрожающем миру. “Легенда о Великом инквизиторе”, теория и практика Третьего рейха, Евросоюз и наш “неопатриотизм” оказываются в поле действия катаризма, его исторического и литературного становления в символической фигуре апокалиптического молота.

Не слишком подробно, но очень уверенно Олег Мороз пишет о современном Западе, который развернулся от национал-социализма середины XX века к капитализму. И этот вполне мистический капитализм, по замыслу его стратегов, должен иначе воплотить в жизнь план Гитлера по разделению мира на “нацию господ” и “нацию рабов”. В образе Герхарда, одного из главных героев “Вора”, этот план становится очевидной риторикой и по всем признакам сектантской прагматикой. Беда, правда, в ином: Мороз, интерпретируя Козлова, показывает, что стратегическим соратником (разумеется, не в слове, а в деле) господина Герхарда являются российские неопатриоты. Все три их плана, обсуждаемые и в романе, и в монографии (“город-крепость”, Россия — аморфная конфедерация и “вождизм”), Мороз объявляет воплощением “человеконенавистнического дуализма катаров”, а гностицизм — “нервом историософской концепции писателя”. Катаризм оказывается и тоталитарным, и имплицитным, и повсеместным. Главное — не побеждённым в XIII столетии.

Но я позволю себе повториться: разоблачая гностический вектор, Юрий Козлов не выглядит полностью свободным от его влияния. В 2010 году начал читать Козлова с “Почтовой рыбы”, через два года пришел роман “sBO-боДА” и уже потом классика – роман “Колодец пророков”. Скажу, что эти тексты не показались мне христианскими; я их принял как часто встречающийся в новейшей литературе апокалипсис без эсхатологической победы Бога, без воскрешения и Небесного Иерусалима. “Белая Буква” и “Новый вор”, пожалуй, укрепили эту позицию – внехристианская апокалиптика с центром тяжести в области технологий властных элит, её безблагодатной поэтики.

Олег Мороз склонен максимально сближать мир Юрия Козлова с христианством – и через Достоевского с “Братьями Карамазовыми”, и в соотношении с византийским житием человека Божия Алексия. Об этом в монографии сказано много интересного. Но где у Козлова Христос? Его, похоже, нет. Разумеется, я не о каком-то специальном воплощении – больше о евангельских интуициях, о духе Нагорной проповеди, о богословии “Евангелия от Иоанна”. Скорее, в творчестве Юрия Козлова обнаруживаю авторский апокриф – свободный от христианского канона сюжет о разнообразии антихристовых личин, о катаризме как платформе присутствующего гностицизма и отсутствующего Иисуса. Мрачный, свободный от горячих чувств и сердечного пафоса мир “Колодца пророков” или “Нового вора”, думаю, подтверждает мою догадку: во всех произведениях присутствует Антихрист, но отсутствует Христос; любовь где-то далеко, а вот не-любовь постоянно в прозаическом кадре.

У меня здесь есть своё объяснение. Безусловно, как состоявшийся писатель с глубинно субъективным миром, Юрий Козлов уникален, что книга Олега Мороза качественно доказывает. Но тут уже я построю свой контекст. Ещё в юности приходилось встречать, и довольно часто, многих “физиков” (математиков, химиков и других технарей), буквально одержимых “лирикой” (философией, литературой, конспирологией). В позднесоветское время меня тревожила их тоска – от необходимости заниматься и скромно зарабатывать одним, а ум и сердце посвящать совершенно иному. В этой среде “технической” интеллигенции было много апокалиптики без Христа и рая (часто она восходила к “Мастеру и Маргарите”), звучали жаркие слова о каких-то найденных ключах от замков, скрывающих решение универсальных, поистине масштабных проблем. Они не были постмодернистами, но при этом шла бесконечная игра с интерпретациями, версиями и фантазийной футурологией. Любви в речах было мало, вместо неё – особая нервная суровость, изможденность от недоволощенной мысли, неумение выйти из интеллектуальных тупиков в мир живых эмоций. Иногда мне кажется, что субъекты повествования в прозе Козлова говорят от лица именно этих людей. Для них Библия волне могла быть “гиперроманом”, как и для одного важного персонажа из “Колодца пророков”.

О близких сюжетах сигналит и судьба писателя Обьёмова из “Белой Буквы”. О не-любви и её последствиях. Когда повесть была опубликована, ко мне обратился Александр Казинцев с просьбой написать о ней. С интересом погрузился в плотный, перенасыщенный разными знаками текст (считаю “Белую Букву” самым сильным произведением Козлова) и написал для “Нашего современника” (2018, № 7). Стремился принципиально разъяснить и, возможно, адаптировать для потенциального читателя данный вариант “обломовского мифа”, сделав акцент на безволии и вырождении стареющего русского писателя советской закалки, на апокалиптических мотивах и связанной с ними фигурой Гитлера.

Олег Мороз идёт совершенно другим путём, не облегчая, а наращивая смысловую конструкцию замечательной повести. С захватом и доведением до целостности судеб всех как бы периферийных героев. С большим вниманием к женским образам и самому женскому началу в мире Козлова как значимой форме воссоздания историософского сюжета. С солидно разрастающимися контекстами, – прежде всего, это рассуждения Ивана Карамазова об Иоанне Милостивом; находится место и для платоновского “Чевенгура”, и для “Жития Алексия”. В самом начале третьей главы сообщается о переключке “Белой Буквы” с “Улиссом”. По мысли Мороза, художественный мир не может быть лёгким.

Не может быть стандартным, лишь подводящим итоги, и 30-страничное “Заключение”. Стартовав здесь с погружения в теоретическую проблему “романа-голограммы” и “гиперромана”, автор переходит к Хорхе Луису Борхесу.

Аргентинский писатель становится главным героем последних страниц, заключительным этапом помощи в понимании мира Юрия Козлова, лицом художественного метода “Колодца пророков” или “Нового вора”.

Меня тоже интересует тема “Козлов и Борхес”, как и поиск ответа на вопрос, почему автор “Сада расходящихся тропок” подчинил себе многое в современной литературе, философии и психологии, а слава нашего писателя остаётся всё же локальной. Борхес – лёгкий: в лаконичных объемах своих текстов, в выдвигании ярких версий, в постоянной мягкой иронии, в отсутствии интереса к политике и технологии актуальной власти, в отстранении авторского Я от боли и трагедии. Борхес – праздник литературности: отстраняясь от любой религиозности, аргентинец превыше всего ценит “Божественную комедию” и готов славить христианское богословие как лучший пример “фантастической литературы”. Козлов – тяжёлый до “реализма”, публицистичности и пророчеств: в тяготении к большому, многостраничным романам, в недопущении смехового начала (сарказм есть, конечно), в переживании политических сюжетов и разных “неопатриотизмов” как смертельных, а не социальных проблем.

Разный гностицизм нахожу у Борхеса и Козлова. Первый – мастер словесности, получающий герменевтическое удовольствие от интеллектуальных игр; созерцатель и летописец многих виртуальных апокалипсисов, умеющий провоцировать их уплотнение; впрочем, и безболезненное исчезновение. Второй – действующий апокалиптик в контексте большого настоящего времени; человек, знающий, что типологии (например, фашизм – Евросоюз) имеют отношение не к тексту, а к судьбе России, её будущему, которое висит на волоске.

Козлов мог бы стать одним из героев Борхеса. Как Пьер Менар или Рутенберг из “Трёх версий предательства Иуды”. Да и монография Мороза порою представляется мне весьма расширившимся борхесовским рассказом, потерявшим необязательный характер переживаний о мире и его исчезновении. Здесь всё серьёзно и, как говорят молодые, – жёстко. Ибо политики владеют миром, а политиками, их сознанием, планами и конечностью владеют два человека – писатель и филолог.

Юрий Козлов – это о власти. Олег Мороз – это о власти над текстом.